

и животных. Реализация совместного Плана управления ООПТ «Чяпкяляй — Котра» позволит создать единую трансграничную функциональную систему менеджмента белорусско-литовской Котранской Пущи, что является необходимым условием формирования устойчивых русел миграции генофонда биоты и, соответственно, эффективной Пан-Европейской экологической сети [6].

Трансграничный эффект проекта LLB 2-175 выражается в разработке Плана управления ООПТ «Чяпкяляй — Котра», а также в подготовке концепции создания трансграничного биосферного резервата «Друскининкай — Гродно», которые позволят активизировать трансграничное белорусско-литовское сотрудничество. Это способствует повышению эффективности трансграничного взаимодействия, а также обеспечит основу для проведения совместных мероприятий по снижению экологических рисков и устойчивому развитию в приграничных регионах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rąkowski, G. Transgraniczne Obszary Chronione na wschodnim pograniczu Polski. Zarys koncepcji / G. Rąkowski. — Warszawa: Instytut Ochrony Środowiska, 2000. — 150 s.
2. National Spatial Development Concept 2030 / P. Żuber [et al.]. — Warsaw: Ministry of regional development, 2012. — 228 p.
3. Important transboundary Belarusian-Lithuanian and Lithuanian-Russian wetlands / S. Švažas [et al.]. — Vilnius: Institute of Ecology of Vilnius University & «ОМРО Vilnius» Publishers, 2003. — 96 p.
4. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / редкол.: Л.И. Хоружик [и др.]. — Минск: БелЭн, 2006. — 456 с.
5. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / Г.П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БелЭн, 2004. — 320 с.
6. Indicative Map of the Pan-European Ecological Network for Central and Eastern Europe. Technical Background Document. ECNC, 2002. — 166 p.

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖПОКОЛЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ МИГРАНТОВ ЕС И БЕЛАРУСИ

Л.Г. Титаренко, д-р соц. наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета;

А.С. Сафронова, студентка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Актуальность исследования межпоколенной мобильности связана с тем, что изучение возможностей социальной мобильности второго поколения мигрантов отражает механизмы интеграции мигрантов, а также факторы, препятствующие успешной натурализации мигрантов и способствующие их маргинализации.

Вторым поколением мигрантов в данной работе мы будем считать людей, родившихся в стране проживания, однако имеющих хотя бы одного родителя иностранного происхождения [1]. Среди особенностей второго поколения мигрантов можно выделить совершенное владение языком принимающего общества, а также активное участие в институтах социализации принимающей страны. С другой стороны, на развитие детей мигрантов влияние оказывает правовой статус и социально-экономическое положение родителей, а также среда их общения. Комбинации тех или иных факторов (наличие высшего образования, сфера трудоустройства, связь с этническим меньшинством и др.) повышают шансы представителей второго поколения на успешную интеграцию в структуру принимающего общества.

В рамках данной статьи мы рассмотрим возможности межпоколенной мобильности среди детей мигрантов. Сущность межпоколенной мобильности заключается в изменении социальных статусов людей, прежде всего молодых, в различных сферах общественной жизни по сравнению со статусом их родителей [2]. В то же время понятие «социальный статус» рассматривается современными социологами не как отдельный атрибут изолированного индивида, а как трансляция семейных групп [3].

Межпоколенная мобильность является важным фактором социальных изменений и выражением социальной активности индивидов. Позитивная трансформация социального статуса детей, по сравнению со статусами их родителей, — один из показателей динамично развивающегося социума [4].

Говоря о «движении» в процессе межпоколенной мобильности, отметим следующие возможности [5]:

- интеграция в средний класс;
- включение в класс неквалифицированной рабочей силы;
- получение экономической независимости внутри этнического сообщества.

Но далеко не всем мигрантам удастся осуществить амбициозные планы и продвинуться вверх по социальной лестнице. Часть мигрантов, несмотря на предпринимаемые усилия в приобретении более высокого профессионального образования, поиске интересной и высокооплачиваемой работы, освоении дополнительных сфер занятости, опускается на нижние ступени социальной иерархии. Другие, столкнувшись с реальными трудностями, отказываются от активных действий, довольствуясь занимаемым положением.

Определяющим фактором становится доступ и использование инструментов социального лифта. Социальный лифт — условное наименование совокупности факторов, оказывающих определяющее влияние на вертикальную социальную мобильность.

Многочисленные исследования, проведенные теоретиками второго поколения миграции, отражают два основных социальных «лифта» в процессе осуществления миграционной мобильности — образование и трудоустройство. Они же используются как средства для интеграции в общество страны проживания.

Путь «вверх» прокладывается с помощью получения высшего либо профессионального образования, трудовой активности в сфере первичного сектора рын-

ка труда. Однако возможно и обратное движение «вниз», связанное в первую очередь с криминализацией и маргинализацией индивидов второго поколения. Барьерами на пути к успешной адаптации, согласно Портес и Жюу (Portes and Zhou), являются следующие [6]:

- 1) расистские предрассудки относительно мигрантов;
- 2) состояние современного рынка труда, где в основном существуют либо высокооплачиваемые позиции, либо низкооплачиваемый труд;
- 3) активная криминализация, распространение торговли наркотиками, представляющие альтернативу получению высшего образования.

Западная Европа имеет длительную историю миграций, в том числе масштабные потоки трудовых мигрантов в 1950—1960-х гг. Проблемы интеграции, с которыми столкнулись мигранты и их дети, стали предметом исследования европейских ученых и легли в основу реформирования социальной и миграционной политики европейских государств. Беларусь, учитывая «молодость» ее независимого статуса, не стала крупной страной по числу приема мигрантов, поэтому исследование возможностей межпоколенной мобильности в Беларуси затруднено. В качестве альтернативы мы обращаемся к России, которая по объемам живущих там мигрантов может сравниться с любой другой европейской страной.

Можно предположить, что для представителей мигрантов второго поколения в Германии на сегодняшний день открываются новые перспективы. Процент детей мигрантов, получающих высшее образование, лишь чуть ниже процента детей коренных немцев, а значит, высшее и профессиональное образование стало намного доступнее, чем для их родителей. Другая тенденция — это переход детей мигрантов из трудовых сфер, традиционных для мигрантов (машиностроение, строительство), в сферы, ранее закрытые для мигрантов, — сфера услуг, работа в финансовых и административных учреждениях. Заметна и тенденция увеличения детей мигрантов среди управленцев на немецких предприятиях. В целом можно сказать, что второе поколение мигрантов в Германии успешно осуществляет восходящую социальную мобильность, так как спектр их возможностей куда выше, нежели тот, которым обладали их родители.

Если говорить о втором поколении мигрантов в России, то они испытывают куда более серьезные трудности в получении образования. Несмотря на то, что среди старшекласников, имеющих иностранное происхождение, родным русский язык считают более 50 %, четверть мигрантов обнаруживает проблему устройства ребенка в школу в связи с наличием языкового барьера. Затруднены процедуры медицинского страхования и подготовки ребенка к школе. Стоимость обучения в российском вузе высока, поэтому многие дети мигрантов не могут позволить себе профессиональное обучение и вынуждены трудоустраиваться на низкооплачиваемые работы. Отсутствует возможность получения кредита на образование. Другой серьезной проблемой является низкий уровень образования представителей первого поколения мигрантов, родителей, абсолютно незаинтересованных в приобретении их ребенком образования. По данным Центра миграционных исследований доля таких родителей составляет от 10 до 25 % [7].

Несмотря на значительные различия между характеристикой и возможностями второго поколения мигрантов в России и Германии, можно выделить некоторые схожие тенденции.

1. Высокий процент «выпадения» из системы национального образования. Если в России это связано с языковыми, правовыми и семейными трудностями, то в Германии очень часто с низким уровнем фоновых ожиданий и низкой заинтересованностью в учебе. Около 10,2 % школьников среди детей мигрантов в Германии не получают базового образования, а значит, их шансы на попадание в криминогенную общность достаточно высоки.

2. Сильная зависимость стремлений ребенка от социально-экономического положения семьи и образовательного уровня родителей. Дети, чьи родители-мигранты обладают более высоким социальным статусом, склонны к получению высшего образования и более высоким образовательным достижениям, как в Германии, так и в России.

3. Проблема негибкости национальной образовательной системы. Существование многообразных международных и национальных законодательных документов, регулирующих доступ к образованию, не гарантирует чувствительность образовательных учреждений к трудностям, которые могут возникать в процессе социализации ребенка из семьи мигранта.

4. Вытеснение мигрантов в сферу неквалифицированного труда вторичного сектора экономики и высокий уровень безработицы среди детей мигрантов. Статистика Германии демонстрирует более высокий процент безработицы среди детей мигрантов, нежели среди детей коренных жителей, несмотря на почти равный уровень активности на рынке труда.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на разную продолжительность существования такого демографического явления, как второе поколение мигрантов, для обеих стран существует ряд проблем, которые еще предстоит решить для осуществления интеграции представителей второго поколения мигрантов в структуру принимающего общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ramakrishnan, S. Second-Generation Immigrants? The «2.5 Generation» in the United States/ S. Ramakrishnan // *Social Science Quarterly*. — 2004. — Vol. 85, Is. 2. — P. 380—399.

2. Реутова, М.Н. Направление и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи / М.Н.Реутова // *Социолог. исслед.* — 2004. — № 6. — С. 86.

3. Александров, Д.А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные: рабочие материалы НУЛ СОН / Д.А. Александров, В.В. Баранова, В.А. Иванюшина. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. — 106 с.

4. Козырева, П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России / П.М. Козырева // *Россия реформирующаяся: ежегодник* / отв. ред. М.К. Горшков. — М.: Новый хронограф, — 2012. — Вып. 11. — С. 223.

5. Portes, A. Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on Its Determinants and Modes of Incorporation / A. Portes, J. Böröcz // *International Migration Review. Special Silver Anniversary Issue: International Migration an Assessment for the 90's.* — 1989. — Vol. 23, № 3. — P. 618.

6. Haller, W., *Dreams Fulfilled, Dreams Shattered: Determinants of Segmented Assimilation in the Second Generation* / W. Haller, A. Portes, M. Lynch Scott // *Social Forces.* — 2003. — Vol. 89. — P. 738.

7. Флоринская, Ю.Ф. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине / Ю.Ф. Флоринская // *Демоскоп Weekly*, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php#_FNR_1. — Дата доступа: 01.06.2014.

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ КНР

А.М. Байчоров, доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

На официальном уровне отношения между Европейским Союзом и КНР были установлены в 1975 г. В 1985 г. вступило в силу Соглашение о торговле и сотрудничестве, которое и сегодня служит правовым основанием для развития двусторонних отношений.

Ускорение экономического роста Китая, последовавшее после вступления страны в ВТО в 2001 г., убедило руководство Брюсселя в необходимости выстраивания долгосрочных взаимовыгодных связей с новым мировым центром силы. Не случайно еврокомиссар Б. Ферреро-Вальднер отметила в 2005 г., что «нет большего вызова для Европы, чем осознать драматический подъем Китая и постепенно выковать более тесные связи с ним» [1].

Франция первой установила отношения стратегического партнерства с КНР. Ее примеру последовали Германия, Дания, Италия и многие другие страны ЕС. Китай присоединился к принципиально важному для ЕС проекту Галилео (создание глобальной навигационной системы) и инвестировал в него 230 млн евро. Пекин не сократил закупки аэробусов в 2009—2010 гг., чем поддержал экономику Евросоюза в период мирового финансово-экономического кризиса. Так называемые «секторальные диалоги» между ЕС и КНР велись по вопросам энергетики, сельского хозяйства, информации, здравоохранения, региональной политики, защиты окружающей среды, образования и культуры и т. п. (всего 24 секторальных диалога). Была одобрена и успешно осуществляется Стратегическая повестка дня для сотрудничества Китай — ЕС до 2020 г.

Вместе с тем Европейский парламент последовательно выступает за сохранение эмбарго ЕС на поставки оружия и военной техники Китаю, регулярно принимает резолюции, критикующие политику Пекина в отношении Тайваня и Тибета, по вопросам прав человека. Вашингтон и Токио также оказывают давление на Брюссель, настаивая на сохранении эмбарго на поставки вооружений.